

Всеволод Гаршин

**Выставка в  
помещении «Общества  
поощрения художников»**



*Часть сборника  
Красный цветок (сборник)*



Всеволод Михайлович Гаршин

**Выставка в помещении  
«Общества поощрения  
художников»**

«В помещении «Общества поощрения художников» в настоящее время происходит нечто странное. В тесном и без того помещении музея и постоянной выставки художественных произведений теперь находятся еще две выставки: одна – русских акварелистов и другая – двух картин г. Сверчкова...»

**Всеволод Михайлович  
Гаршин**  
**Выставка в помещении  
«Общества поощрения  
художников»**  
*(Письмо из Петербурга)*

В помещении «Общества поощрения художников» в настоящее время происходит нечто странное. В тесном и без того помещении музея и постоянной выставки художественных произведений теперь находятся еще две выставки: одна – русских акварелистов и другая – двух картин г. Сверчкова. Выставка акварелистов заняла часть музея, причем закрыла выставленные в нем предметы, а для картин г. Сверчкова понадобилось устроить вечернее освещение, которое оставило уже без всякого освещения большую часть картин постоянной выставки. Между тем плата за посещение выставок и музея назначена отдельная, по 30 коп., так что желающий посмотреть музей и взглянуть на акварели и произведения г. Сверчкова должен заплатить 90 коп. Могут показаться мелочными подобные расчеты, но я делаю их, имея в виду не состоятельных ценителей изящного и не меценатов, которым 90 к., конечно, ничего не значат, а небогатую молодежь, интересующуюся искусством. Если признавать за искусством какое-нибудь развивающее влияние, то нужно сказать, что оно может действовать

благотворно преимущественно, даже почти исключительно на молодежь, а не на зрелых любителей, которые стоят перед картиной, тонко и искусно оценят ее достоинства, поспекут их, точно так, как спекут «редкой красоты» вино или какой-нибудь гастрономический раритет, – и только. Об этом не мешало бы подумать «Обществу поощрения художников», да и вообще всем устроителям выставок художественных произведений. Картины продаются по недешевой цене, и, уж поистине, мелочный денежный расчет не должен был бы побуждать художника затруднять доступ к его произведению, пока оно еще не погребено в апартаментах какого-нибудь купившего его любителя.

Бесспорно, лучшие вещи выставки акварелистов принадлежат г. Виллие. Это – семь пейзажей небольшого формата. Таковую силу и правду освещения, какой художник достиг при помощи неблагодарных водяных красок, редко удается встретить и в живописи масляными красками. Большую честь г. Виллие делает его скромное отношение к изображаемому им миру: он не выбирает из него эффек-

тов, как делает чуть ли не большинство его собратьев, и тем более не присочиняет их, а берет из природы прекрасное, как оно есть. Совершенно обратно относится к своему делу проф. К. Маковский. Его акварель, изображающая прекрасную болгарку с умирающим ребенком, вероятно замученным башибузуками (на заднем плане картины пожар деревни), написана, как говорится, «вкусно» и рукою умелого мастера. Но на что употреблено это умение! Г. Маковский взял одну из ужаснейших драм, случающихся на белом свете, – мать, обезумевшая от ужаса, видит, как ее дитя истекает кровью, – и ухитрился придать этой драме аксессуары, любезные разве только сластолюбивым старым и молодым старичкам! Это – преступление против искусства, больше которого трудно придумать, тем более что г. Маковский – крупный талант, а кому дано много, с того много и взыщется. Другая большая акварель г. Маковского, называемая, если не ошибаюсь, «Деревенская сцена», уже давно знакома публике; в 1878 г. она побывала и на Парижской всемирной выставке; поэтому говорить о ней я не буду. Кро-

ме этих двух вещей, художник выставил еще два оригинала премий «Нивы» на 1879 г., вероятно известных всем читателям. Нельзя не сказать, что хромолитография «Нивы» передала работу г. Маковского не совсем удачно.

Вот г. О'Коннель, так тот не мудрствует лукаво... Он не присочинил к соблазнительной внешности никаких раздирательных драм. Впрочем, обе его пастели не представляют и с технической стороны ничего, кроме желания сделать все поярче и поцветистее, и г. О'Коннель подвернулся здесь только к слову. Наиболее известный из русских специалистов по акварели, г. Премацци дал на выставку несколько кавказских пейзажей и уличных сцен. Нового в них ничего нет: та же удивительная техника, та же добросовестная отчетливость работы и то же малое присутствие художественности. Акварели г. Премацци не более как превосходнейшие фотографии красками, и нужно сказать, как копиист природы он почти не имеет соперников между акварелистами. Г.П. Соколов выставил несколько манерных набросков, большею частью с обычными для него охотничьими и дорожны-

ми сценками. Отличаются его вещи, как и всегда, больше всего изысканной бойкостью кисти, до некоторой степени скрывающей промахи рисунка. Небрежность г. Соколова к рисунку удивительна: на одной из его акварелей мужик, помогающий лошадям вытащить сани из сугроба, наделен художником таким огромным ростом, что лошади перед ним не лошади, а скорее собаки.

Есть еще на выставке портреты работы А. Соколова и Александровского, портреты весьма тщательно исполненные; недурной этюд головы крестьянина, писанный тем же г. Александровским; пейзажные наброски г. Александра, показывающие умение и талант, но как небрежные наброски – этюды, не представляющие интереса для мало знакомых с техникой дела; маленькие и скромные, но талантливые пейзажные этюды г-жи Поленовой, хорошо сделанная г-жою Кочетовою акварель с изображением одной из комнат М.П. Боткина; путевые впечатления, записанные кистью и красками, г. Каразина («Волга ночью около Самары», «Оренбург после пожара» и др.); очень, как говорят художники,

«сильно написанные» акварели-жанры М.П. Клодта; морские виды г. Беггрова, из которых самый большой, «Смотр флота в Трапезунде», есть в то же время и самый неудачный. Есть и несколько мелких вещиц, набросков очень известных художников: современного проф. Боголюбова, не очень давно умершего пейзажиста Васильева и давным-давно умершего – и, прибавлю, почти забытого – Карла Брюллова. Странно, что распорядители выставки нашли нужным показывать публике вещицы двух последних. Васильев был человек с огромным, редким талантом, но выставленные теперь его наброски принадлежат к числу самых слабых его вещей, а ветхие денги пробы акварелью творца «Помпеи» уж и во все плохи.

Нельзя также пройти молчанием простых, но прекрасно и добросовестно выполненных с натуры рисунков цветов г. Каменского, сделанных им, как говорят, как образцы для классов технического рисования в школе Общества поощрения художников.

О картине г. Сверчкова «Переход лейб-гвардии гусарского полка через Балканы» бы-

ло уже говорено почти во всех петербургских газетах, и я могу прибавить к сказанному раз- ве, только, что произведение г. Сверчкова, несмотря на свою огромную величину и неко- торые относительные достоинства, все-таки не стоит отдельной выставки. Не буду также распространяться о стоящем возле «Перехо- да» портрете... собаки, также принадлежа- щем кисти г. Сверчкова. Но в том же помеще- нии выставлена картина г. Жмурко, художни- ка, очевидно воспитанного иностранными новыми образцами, и более всего произведе- ниями Макарта, – которая стоит двух-трех слов. Г. Жмурко написал на большом холсте форматом в вышину (так любит компоновать Макарт) кучу разноцветного шелкового и иного драгоценного тряпья, а в нем почти об- наженную женщину, неизвестно, в каком по- ложении, неизвестно потому, что действи- тельно нельзя понять, сидит она или стоит, падает или подымается (Макарт тоже любит брать странные положения тела). Затем все внимание художника было устремлено на то, чтобы сделать тело женщины возможно бо- лее пухлым и придать ему неестественный

(тоже макартовский) колорит. Колорит этот вышел грязно-желто-серым, а из картины не вышло ничего. Называется она «Клеопатра» (у Макарта тоже есть «Клеопатра») и изображает, судя по змейке, которую женщина держит в руке, смерть героини Шекспира и Пушкина. Художник слепо пошел за Макартом. Но *quod licet Jovi, non licet bovi*[1], можно сказать ему, конечно с оговоркою, принимая Макарта за Юпитера искусства.

Когда только перестанут художники стараться примешивать конфертатив[2] всюду, даже в изображение смерти!

11 февраля <1880 г.>

# Примечания

# 1

Что можно Юпитеру, того нельзя быку (*латинская пословица*).

[^^^]

## 2

Конфертатив – возбуждающее средство.

[^^^]